

ТЕМА НОМЕРА: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ

УДК 316.75:323/324(470+571)

В. В. Корб

«ОБЩИЕ МЕСТА» КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА²

КОРБ Виктор Владимирович — руководитель Агентства региональных исследований (Омск). E-mail: korbvv@gmail.com.

Автор статьи обращается к вопросам значения и хода развития коммуникационных схем общественно-государственного устройства в современной России. Фиксируется исчерпание ресурсов удержания социально-государственной целостности по простой схеме сакрально-административного управления при целенаправленном торможении процессов формирования новой социальной культуры, связанной с поколенческими особенностями, с институализацией социальных и культурных инноваций. Это обстоятельство рассматривается автором как причина усиления общей напряженности социума, ее концентрации на "очагах" и "фронтах" и расслоения, переходящего в разрывы и разломы. Залог некатастрофической трансформации базовой схемы общественно-государственного устройства видится в опережающем развитии его коммуникационных схем и "общих мест" — зон и методов формирования обобщенных представлений, общих деятельностных ценностей и смыслов.

Ключевые слова: социальные институты, институализация, коммуникации, общественно-государственное устройство, социальная трансформация, коммуникационные схемы, вертикаль власти, социальные инновации, общие представления, гражданская самоорганизация, коллаборативные исследования.

Ситуация последнего времени — это признак «тектонических», необратимых сдвигов в системе или просто одна из критических точек, после преодоления которой возможно сохранение прежней траектории социально-политического развития?

Я сторонник коммуникационной модели, в рамках которой именно доминирующая схема формирования общих представлений является основой формирования человеческих сообществ.

© Корб В. В., 2012

² Статья подготовлена на основе предварительных тезисов и стенограммы выступления на Научном совете ВЦИОМ 17 мая 2012 г. Заголовки воспроизводят частично адаптированные установочные вопросы, предложенные В. Федоровым.

Соответственно, ключевые сущностные изменения общественных структур опосредуются именно сущностными изменениями коммуникационных схем: от преимущественно инерционных централизованно-распределительных ("тоталитарных") — к динамичным обменно-сетевым ("либеральным").

Для российского общества, с учетом значительной исторической инерции, характерна высокая иерархичность и простота (тотальность) коммуникационной схемы общественно-государственного устройства. В некоторые периоды эта схема усложняется за счет формирования нескольких слоев и уровней обобщения смыслов и ценностей, что, в свою очередь, приводит к усложнению общественной структуры и его внутренней устойчивости. При этом всегда сохраняется и периодически усиливается роль Центра — как места держания единого смысла (царская или, точнее, царско-жреческая позиция, обеспечивающая не просто административное регулирование, но его высокую сакрализацию).

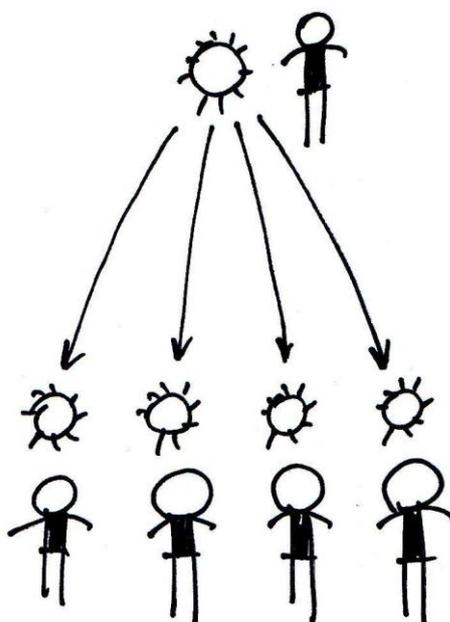

Рисунок 1 - Простая централизованно-трансляционная схема коммуникаций

На Путине явным образом пытались восстановить эту конструкцию, создав миф "национального лидера". Ключевая ошибка состояла в том, что тренд централизации выстраивался не как дополнительный к возникшему процессу формирования гражданского общества (через созревание новых ценностей и связанных с ними социальных групп и слоев), а как противостоящий ему. На естественный процесс усложнения общественной структуры держатели мест власти ответили резким упрощением схемы административно-распределительного регулирования, доведя ее до абсурда "вертикали власти", быстро превратившейся в "вертикаль произвола".

Таким образом, сформировались естественные предпосылки для нынешней ситуации, по многим признакам напоминающей "революционную". В течение последних 15-20 лет ("поколенческого цикла") одновременно шли два разнонаправленных процесса:

- Бурное, динамичное развитие низового слоя, имеющего имманентную сложность в силу разнообразия первичных интересов огромного числа "актеров первичной свободы" — лиц свободных профессий, локальных сообществ, носителей новых политических, экономических, культурных и субкультурных представлений.
- Упрощение коммуникационной схемы общественно-государственного устройства. Усиление "центра" и тотальное распространение административного стиля управления. Связанные с этим процессы захвата и монополизации общенациональных каналов коммуникации, усиление их транслирующей, пропагандистской функции, — эти известные "зомбяшки", "вертикали власти" и т.д. — когда значительная часть населения вытягивается на некое очень маленькое место формирования этих общих смыслов.

Тренд централизации вместо роли "сдержки и противовеса" процессам общественного саморегулирования стал исполнять роль синонима государства. Произошло не просто подчинение общества государственной машине, но во многих случаях прямая подмена — вплоть до феномена "выращивания общественного из государственного", правда, с очевидным имитационным (бутафорским) характером подобных институтов. Это само по себе явилось мощным фактором созревания внутренней напряженности, деформации и будущих расколов.

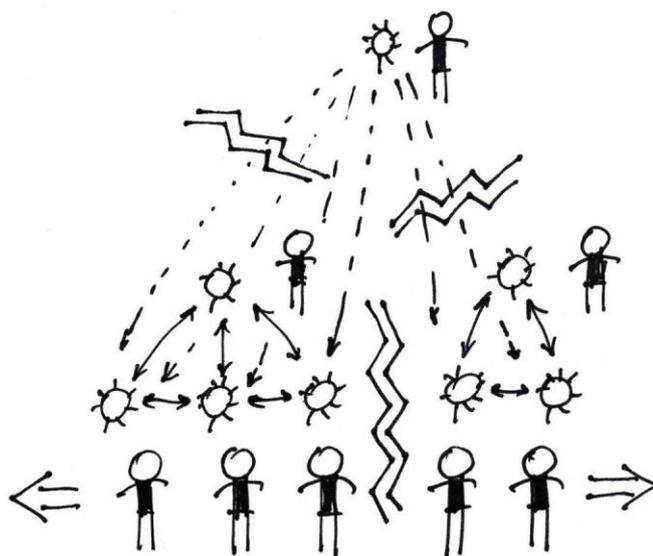

Рисунок 2 - Конфликт двух схем коммуникаций, ведущий к расколам

Следует учитывать также и то, что централизованно-распределительная схема по сути менее эффективна и требует значительно больше ресурсов на свое поддержание, поскольку не задействует внутренние ресурсы общества, а напротив, постоянно противостоит им. Пока

этих ресурсов было достаточно для поддержания простейшей компрадорско-колониальной схемы, сохранялась видимая "стабильность": действовали социальные лифты (через "партию власти" и ее сателлитов, "кадровые резервы" и т.п.), сдерживалась социальная напряженность (через бутафорские профсоюзы и "системную оппозицию", через плавное повышение пенсий и зарплат "бюджетникам"). Но у такой схемы есть естественные ограничения. Причем основная проблема даже не в физической недостаточности материальных ресурсов и невозможности сделать из России "большой Кувейт" — ресурсов не хватает даже на удержание ядра этой модели, поскольку постоянно обостряется конкуренция за ограниченные "места власти и распределения", что приводит к неизбежному "конфликту элит".

Происходит естественное истощение ресурсов удержания социально-государственной целостности по простой схеме сакрально-административного управления, не поддерживаются или даже целенаправленно тормозятся процессы формирования новой социальной культуры, — связанной с поколенческими особенностями, с институализацией социальных, профессиональных инноваций, — и общество растягивается, расслаивается, усиливается общая напряженность социума, происходит ее концентрация на "очагах" и "фронтах".

Эти процессы — социальной напряженности, социального растягивания и расслоения — вполне естественны, поскольку на низовом уровне всегда есть точки разных интересов, разных возможностей, но в адекватно организованном обществе с устойчивой и динамичной институциональной структурой такой процесс протекает с сохранением целостности, в форме социальных движений, реализующихся в рамках общей социально-политической модели. *В России транзитной вновь не оказалось ни достаточного мощного "среднего слоя", ни сколько-нибудь влиятельной "элиты", способных выполнить важнейшую функцию деятельностной социальной рефлексии и адекватной социализации трансформационных смыслов и моделей.*

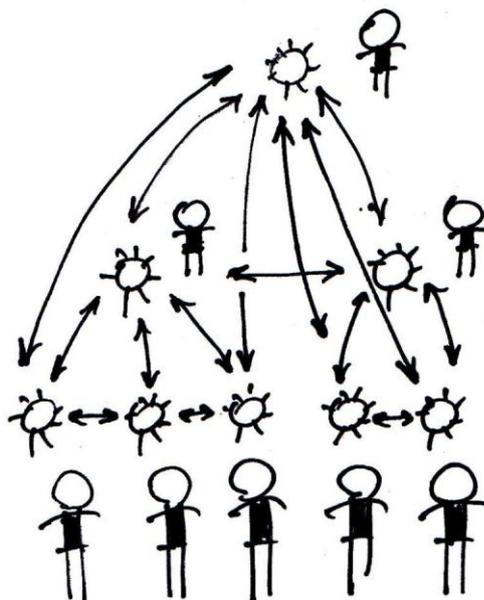

Рисунок 3 - Сложная обменно-сетевая схема социальных коммуникаций

Новая, современная ("либеральная") схема формирования общих представлений — через свободный обмен, конкуренцию и обобщение частных и групповых — еще не захватила все общество (а такое и невозможно), но она стала доминирующей для наиболее активной его части. А это залог необратимости системных изменений. И дело не только в конкретных инструментах: сейчас уже не поможет ни закрытие твиттера, ни даже блокирование Интернета, поскольку случилось главное — изменение в сознании и в стиле жизни, в доминирующих практиках. *Проявилось устойчивое и массовое неприятие фальсифицированной реальности, появился мощный, хотя еще и недостаточно внятно артикулированный, общественный запрос на "прямую сетевую демократию".*

Россия пока еще находится в состоянии транзита — и социального, и ментального, и политического. Срок и результат его завершения зависят от темпов и характера институализации доминирующих социальных инноваций, формирования новой общественно-государственной системы, адекватной современным представлениям о жизненных ценностях и коммуникационным моделям.

Что легло в основу серии массовых протестов последнего полугодия — сугубо политические причины (фальсификации, путинизм, административное давление и т.д.), информационное манипулирование или истинные причины нужно искать в другой сфере?

Все перечисленные факторы важны, но вряд ли возможно определить какой-то один, ставший спусковым крючком. Основным мотивом, судя по артикулированному и проявленному в действиях доминирующему общественному мнению, стало именно неприятие фальсифицированности жизни во всех ее проявлениях. И связанные с этим остро и конкретно ощущаемые личные ограничения, включая отсутствие социальных и политических лифтов (причем не только во властной и системной частях политического пространства, но и "несистемной оппозиции", где "какую партию ни строят — получается КПСС"), рост социального расслоения, невозможность эффективно влиять на власть и т.п. Весьма эффективными оказались и отработанные ранее схемы быстрого создания и продвижения политических брендов по "методу Навального", основанные на сочетании традиционных вождистско-харизматических методик с инновационными методами стимулирования гражданской самоорганизации, преимущественно через соцсети. Существенным фактором эскалации протестной активности явилась и тотальная неадекватность правящей администрации, исчерпавшей все ресурсы лоялизации, неспособной задействовать новые институты согласия и вынужденной применять ограниченный арсенал запретительно-ограничительных мер.

Это стихийное, подлинно народное и массовое движение — или управляемое и направляемое действие, участники которого были манипулируемой «массовкой»?

То, что оно не управляется, по крайней мере, прямыми действиями организаторов и вождей, четко видно по спонтанности и неустойчивости движения. Как в "декабрьско-мартовском" цикле, так и сейчас. Движение все-таки в значительной мере носит характер самоорганизующегося. В этом есть и плюсы и минусы, с позиции заинтересованности в успехе этого формата общественно-государственной реформы.

- **Основная ценность** — неизмеримо возросший створ возможностей, наличие сложнейшей структуры противоречивых интересов как источника развития, защищенность от волюнтаризма (большевизма) и неизбежного восстановления роковой для России схемы, основанной на централизованно-сакральном представлении о власти и легитимности, вообще.
- **Основные угрозы** — недостаточность собственных опор, "системообразующих якорей" в виде небольшого, но целостного и устойчивого набора ценностей, принципов и целей. Наиболее опасно затягивание паузы именно в вызревании общих организационно-коммуникационных принципов и связанных с ними технологических площадок и методов. Незрелость организационной культуры влечет высочайшую зависимость от внешних факторов, спонтанность, ситуативность, реактивность процесса.

В этом контексте ключевым фактором становится фактор наличия и типа "общих мест". Очень ярко эта тема проявилась и продолжает звучать в актуальной истории попыток организовать #ГражданскаяВахта на #ПлощадьСвободы. Показательно, что власть коллективно бессознательно ощущает высочайший уровень угрозы существования подобных зон формирования альтернативной гражданской легитимности, поэтому практика уничтожения городских площадей или их деформации на протяжении, как минимум, последнего десятилетия, была характерной тенденцией для многих крупных городов в России. Этот же фактор лежит в основе движения "Стратегия-31" — наиболее значимого и эффективного образца мирного гражданского протеста против системы произвола.

Концентрация протестной активности именно на "площадных" форматах неслучайна. В России многие годы, несколько поколенческих циклов, фактически отсутствовали институализированные места коммуникаций, места формирования общих представлений, общих смыслов, общих ценностей. Точнее, они не существовали в виде "общих публичных мест" именно в политическом пространстве. Частичную компенсаторную роль исполняли культурные площадки (театры, журналы), но они всегда были локальны, элитарны и главное — основаны также на трансляционной, а не обменной схеме формирования общих представлений. Период 1988-1993 стал уникальным именно в том, что дал образцы инициативных "мест для дискуссий", "узлов социальной рефлексии" самого разного формата, масштаба и тематики. Очень быстро, однако, централизованно-трансляционная схема коммуникаций восстановилась, укрепилась до такой степени, что "местом для дискуссий" перестал быть не только парламент, но и вся Россия.

Новые возможности для восстановления и институализации непривычной для российской политической культуры коммуникационной схемы обменно-накопительного типа дало бурное развитие Интернета: форумов, чатов, социальных сетей и т.п. Но эта форма, очевидно, недостаточна: она менее эффективна, это именно частичный инструмент, реализующий лишь ограниченный набор видов социально-психологической активности. Даже самые "продвинутые" пользователи Интернета — не сетевые персонажи, не виртуалы — это те же самые люди, но просто в разных ролях — и им всем не хватает более эффективных средств коммуникации. Именно потребность в "быстрых", многосторонних, открытых, деятельностных коммуникациях и реализуется на городских площадях. И чем удобнее площадь, тем эффективнее коммуникации, тем интенсивнее и разнообразнее институализация новых форм и моделей активности. Показательны, с этой точки зрения, все эти перемещения, эти

"мобильные майданы", "прогулки писателей" и т.п., которые, по сути, являются очень интересным и красивым опытом именно поиска наиболее удобных площадей, "общих мест".

Резюмируя данный пункт, укажу кратко основные ценности и факторы привлекательности формата "очных общих мест" (площадей свободы):

- воздух — самый эффективный коммуникационный канал: видимость достижения коммуникационного идеала — все одновременно взаимодействуют со всеми;
- развиртуализация, эффективное управление личными ролями и интеграция различных коммуникационных площадок, деятельность основа, вовлечение реальных жизненных интересов большинством акторов;
- яркие, емкие инфоповоды и эффект "концентрации коммуникаций", в том числе за счет задействования ("оккупации") традиционных инфраструктур.

Показательно, что и в этой ситуации власть продемонстрировала полную неадекватность реакции на гражданские движения. Вместо того, чтобы "организовать и возглавить" поиск общих мест политической коммуникации, делегировать в него медиаторов и фасилитаторов, предложить институциональные альтернативы власть вновь реализует единственный способ жесткого противостояния. Между тем очевидно, что России сейчас остро нужен именно опыт реальной гражданской самоорганизации, способный сформировать важнейший тренд, обеспечивающий устойчивость и необратимость социальных трансформаций. По всем признакам, к этому сейчас есть и очевидные внутренние, и объективные предпосылки.

Кто вышел на улицы — «городской средний класс», «креативный класс», «журналисты плюс зеваки», «рассерженные горожане»?

Если выбирать из этого жесткого набора, то да, можно говорить о феномене "городского среднего класса". Но важно понимать, что этот слой не выделяется привычными социально-демографическими маркерами. Само его неожиданное для большинства социологов и политологов появление — это демонстрация абсолютной нерелевантности привычных методологических моделей. Я еще двадцать лет назад отмечал и сейчас настаиваю на высочайшем приоритете именно ментально-деятельностных и коммуникационных маркеров, которые и более устойчивы, и более адекватно идентифицируют структурные и динамические факторы общественных феноменов. Это прежде всего:

- устойчивые коммуникационные предпочтения (СМИ, социальные сети, сайты);
- факторы стиля жизни (производственно-рекреационный, творческий, клубный и т.п.);
- социально-психологические параметры — в первую очередь характер мотивации, развитость рефлексивных навыков, степень самостоятельности принятия решений.

С этой точки зрения, очевидно наличие нового типа социального расслоения: по "темпу и стилю жизни", по коммуникационной схеме деятельности и т.п. Можно и нужно не только говорить об этих новых слоях, но и срочно запускать новые исследовательские программы, построенные на принципиально новых моделях.

Традиционные измерительные инструменты с их пресловутым "соцдемом" в анкетах не ухватывает как раз и упоминавшиеся ранее "тектонические разломы", и новую социальную идентификацию. Измеряя старыми подходами, забрасывая старые исследовательские сети, мы не выловим эту новую рыбу — новые социальные движения, социальные акторы и их взаимосвязи. Все эти новые признаки — не возрастное, не имущественное, не территориальное и так далее — это коммуникационное! Это новые способы социализации, новые способы формирования новых общностей и лидирующих подобществ. Это прежде всего коммуникационные и ментальные характеристики, это стиль жизни, это скорость жизни. В нескольких наших локальных исследованиях мы отмечали, например, что приверженность респондентов мощным и устойчивым СМИ или соцсетям — условному "Коммерсанту" или Фейсбуку — гораздо более релевантна для проявления многих социальных особенностей, в сравнении с традиционными социально-демографическими маркерами.

Важно еще и то, что мощный трансформационный процесс невозможно ухватить и описать в рамках собственно социологического дискурса, поскольку он захватывает все культурные компоненты и подсистемы. Формирование нового общественного вещества, новой социальной структуры — сверхсложное явление, которое вряд ли по силам индивидуальным и даже обособленным корпоративным исследователям — оно остро требует исследователя нового типа. *Адекватным (релевантным) исследователем такого объекта должен быть исследователь инновационный, колаборативный и рефлексивный, а не отстраненно-академический.* Привычными способами — с использованием преимущественно качественно-аналитических или производственно-измерительных методик — новый социальный субъект вряд ли удастся описать с достаточной точностью.

Вступление Путина в должность президента — закрывает ли страницу массовых протестов или они могут повториться? Что способно стать триггером, запускающим череду неуправляемых событий, массовых выступлений, демонстративного неприятия власти?

Гражданские протесты не просто "могут повториться" — очевидно, что этот процесс уже вряд ли прекратится или даже "сохнет" в более конформистские форматы. Можно ожидать некоторого оттока "протестного вещества" в условно-реформаторские партии (Явлинский, Прохоров, Милов, Рыжков), но вряд ли это существенно ослабит движение "городских несогласных". Напротив, можно ожидать развития как уже доказавших свою эффективность конструкций гражданской самоорганизации с разной степенью лидерского участия, так и появления инновационных схем, повышающих разнообразие, устойчивость и эффективность гражданского движения к свободе.